Моцарты и Франкенштейны

Об извечной человеческой жажде чуда – желании, чтобы что-то случилось, – написала когда-то Марина Цветаева: «Знаешь, чего я хочу, всегда хочу? Потемнения, посветления, преображения. Крайнего мыса чужой души и своей. Слов, которых никогда не услышишь, не скажешь. Небывающего. Чудовищного. ЧУДА». О чудесах и чудовищах, о невозможной механике, о противоядии от депрессии и, конечно же, о таланте понимания другого человека – Александр Лобок тоже умеет вывести на нехоженые тропинки и раскрасить тему новыми метафорами.

Чудо и механика – вещи несовместные, они плохо друг с другом стыкуются, потому что чудо как раз на то и чудо, что это нечто не поддающееся интерпретации, в этом его ценность и состоит. Чудо – это не что-то существующее объективно, а что-то существующее прежде всего внутри человека, внутри человеческого переживания.

Самое очевидное чудо, с которым человек сталкивается, – это чудо любви, когда вдруг что-то происходит, и я не могу объяснить никакой механикой, почему это возникает. Лечение объяснить можно, а вот любовь – абсолютно невозможно. Еще бывает чудо эстетического потрясения. Люди, кото-

Чудо – это способность переживать мир впервые

рые регулярно ходят в концертный зал, говорят: «Иногда вдруг случается, будто что-то замыкается, и ощущение, что музыка тебя пронзила». Воспроизвести это невозможно, это и есть самое значимое в чуде – с изумлением обнаружить, что в нас есть эта удивительная способность вызывать в жизни эффект абсолютной неожиданности и пронзительности происходящих событий, которые невозможно предугадать наперед.

Смелость видеть в мире чудо начинает в нас потихонечку угасать

Ребенок в гораздо большей степени открыт чуду, он менее всего пытается выстроить его механику, поставить чудо на конвейер. Он просто открывает мир, смотрит на что-то и испытывает невероятное ощущение счастья от того, что что-то случилось.

С возрастом этих ситуаций чудесности становится все меньше, все чаще взгляд оказывается затертым, когда смотришь на привычный мир и не видишь в нем чуда. Не потому что «окружающих возможностей» меньше – они все те же, но человек внутри себя устает, привыкает все рационализировать и объяснять, и теряется эта способность ощущать потрясение, в том числе от каких-то привычных вещей, когда я смотрю на пейзаж, который до этого сто раз видел, – и меня пронзает...

Чудо – это способность переживать мир впервые. Если я на совершенно привычные вещи смотрю и говорю: «Потрясающе!» – значит, во мне есть эта способность к чуду.

– Про «переживание мира впервые» можете подробнее объяснить?

– В момент чуда происходит как бы мое рождение, когда краски, звуки, лица – все становится таким, будто видишь это впервые. Например, на свой город смотришь совершенно новыми глазами – и то, что еще вчера казалось знакомым и надоевшим, вдруг обретает совершенно неожиданные для тебя очертания, цвета, и ты видишь что-то, чего раньше не замечал. И в этом смысле переживание мира впервые – антитеза депрессии. Полная антитеза, прямая противоположность! В состоянии депрессии ничто не радует глаз, никакие новые приключения, никакие новые события – все кажется затертым. Состояние депрессии – это как раз полное разложение внутренней способности к чуду, внутренней способности видеть и воспринимать его. А прямо противоположное депрессии состояние – это состояние распахнутых глаз, распахнутого сердца, каких-то распахнутых внутренних идей, когда все время хочется что-то сочинять, как в детстве, путешествовать по микромирам в саду у своих родителей, у бабушек и дедушек, даже у себя в комнате, и жизнь никогда не надоедает, и ты все время наполняешь мир своим воображением. Как раз процесс наполнения мира воображением – это и есть по-настоящему волшебство.

Эта спасительная способность есть у каждого, но она зарыта глубоко-глубоко

Когда мы создаем свои собственные образы мира, который нас окружает, то насыщаем его чудесами. Воображение – это и есть инструмент творимого нами чуда, воображение – это то, что нас спасает от депрессии, от каких-то жизненных поражений, позволяет выживать в самых трудных ситуациях.

Классическая история: ребенка наказывают и ставят в угол. Родители думают, что ребенок стоит и переживает, а он в этом самом углу спасается от наказания тем, что воображает: рассматривает на стене рисунок обоев и начинает представлять себе города, лошадей-всадников, какие-то битвы, сражения или путешествия, которые происходят на кусочке «местности», оказавшейся у него перед глазами.

Эта способность видеть мир чудесным образом у взрослых людей исчезает, но, к счастью, не у всех.

– А как сохранить этот волшебный мир, чтобы в твоей жизни осталось чудо?

Александр Лобок

Практический психолог, психотерапевт, специалист по семейному консультированию. Кандидат философских наук, доктор психологических наук, профессор института психологии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург), руководитель лаборатории сопровождения инновационных образовательных проектов. Автор уникальных технологий и методов игрового развития ребенка.

– Почему это доверие к своему внутреннему ребенку исчезает, почему мы начинаем в себе бояться этой способности к волшебству? Потому что школа, взрослый мир приучают нас мыслить рационально. Нет, я не говорю, что мыслить рационально – это плохо. На рациональном мышлении построены очень серьезные достижения цивилизации, это важно, но если рациональное мышление начинает абсолютно доминировать, если мы начинаем отказываться от права на свой «неправильный» взгляд, приучаем себя и своих детей смотреть на мир так, как принято, так, как «правильно», тогда у нас у самих возникает страх смотреть на мир собственным взглядом, видеть в нем то, чего не видит кто-то другой.

Четырехлетний ребенок может бесконечно стоять «на берегу» лужи и рассматривать свое отражение, а если она подернулась осенним ледком и появились совершенно удивительные искрящиеся льдинки, ребенок может час сидеть перед этой лужей, вытаскивать эти льдинки и смотреть, как они тают в руках. Естественно, никакая мама этого не позволит: «Что ты занимаешься всякой ерундой, что ты делаешь, это грязная лужа!», а ребенок не лужей занимается – он у себя в руках творит волшебство. Но мама начинает это волшебство из него выбивать, потому что «так нормальные, приличные люди не делают».

И вот это желание, эта смелость видеть в мире чудо начинает в нас потихонечку угасать. Ироничное подростковое сообщество очень резко и жестко относится к разным проявлениям вот такой непохожести взгляда, условно говоря: «Ха-ха-ха, ты до сих пор веришь в Деда Мороза!». Многие учителя тоже настроены на то, чтобы доказать ребенку, что все в мире на самом деле обыденно. Но все же находятся удивительные люди, которые сохраняют в себе способность к чуду, и они становятся профессионалами в каких-то областях. Это художники, это литераторы, это священники, которые напрямую контактируют с этой способностью к чуду. Все это вместе создает гигантский и невероятно важный противовес рационализованному упрощенному миру, в котором все разложено по полочкам и все понятно: ложка – это ложка, ложкой суп едят, и не надо ничего про нее придумывать.

Воображение спасает нас от депрессии, от каких-то жизненных поражений, позволяет выживать в самых трудных ситуациях

– А ложка может стать чудесной?

– Даже скомканная бумажка может стать чудесной! Представьте, что человек живет-живет в своем простом и понятном мире, уже объездил массу стран и везде видел «одно и то же». И в какой-то момент ему так скучно становится, так все это надоедает, что он, например, уходит в запой. Ведь что такое запой? Это тоже на самом деле тоска по чуду. И белая горячка – явление того же порядка. Когда человек не может нормальным способом чудо построить, он находит какие-то искусственные спо-

собы. А ведь самые простые предметы, которые находятся в зоне самого простого доступа, могут обретать совершенно невероятные, волшебные очертания. Я иногда комкаю бумажку и спрашиваю: «А на что это похоже?». И человек начинает всматриваться, и еще, и еще – и вдруг эта скомканная бумажка превращается в целые миры, в целые произведения искусства. Оказывается, об этом можно полтора часа говорить! И человек ошарашенно открывает, что у него есть воображение – удивительная способность создавать образы, делать окружающий мир интересным.

По-настоящему талантливый художник насыщает мир

Эта спасительная способность есть у каждого, но она зарыта глубоко-глубоко. Когда люди ее обнаруживают и начинают этим инструментом воображения, инструментом создания метафор постоянно пользоваться, мир вдруг обретает огромное количество невероятных красок, возвращаются вкус и запах жизни, а ощущение необратимости вот этого движения к смерти, ощущение обреченности на депрессию – исчезает. И когда удается из депрессивных состояний вытаскивать самых разных людей, это как раз тот вариант чуда, который по-настоящему рукотворен. Возвратить человеку способность насыщать мир красками, которые рождены твоим сознанием, причем не придумывать что-то, чего нет, не сочинять, а на самом деле это увидеть, – вот в чем история.

Метафора – это и есть механизм видения того, чего вроде бы на свете нет, но тем не менее мы понимаем, о чем идет речь. И даже если мы начинаем с самых примитивных метафор, самых примитивных сравнений (про улыбающееся солнце или про то, что капля дождя похожа на какой-то корабль, который летит из других вселенных), все равно оказывается, что невероятно увлекательно видеть мир этим метафорическим зрением, а значит, воспринимать его на порядок глубже. И тогда нас окружают не предметы, о каких нам заранее все известно, а множество неизвестных сущностей. И если мы с изумлением начинаем *так* видеть – это и есть взгляд художника. Художник берет краски в руки и начинает рисовать вроде бы то, что все мы видим, какой-то натюрморт. И вдруг из-под кисти вырастает чудо! Фотографию этих расставленных на столе стаканов или чего-то другого я не буду хранить, а натюрморт повешу на стенку и буду в ошеломлении на него смотреть. Вроде это то же самое, но совсем не то же самое. По-настоящему талантливый художник насыщает мир. Он, с одной стороны, не придумывает то, чего нет, а с другой – смотрит на мир через такую призму, что у нас возникает ощущение чуда. То же самое делают музыканты, философы, литераторы. То есть на самом деле вся человеческая культура по своей сути – это творение чудес, потому что всего того, из чего состоит человеческая культура, первоначально в природе не было. В основе чуда лежит креативное воображение, способность увидеть что-то такое, чего нет, но при этом то, что может быть.

Политикам нужен управляемый мир, а чудотворцы не нужны

И технические чудеса, и художественные, и литературные соразмерны способности внутреннего волшебства, которое есть в ребенке, и того волшебства, которое происходит в человеке в момент влюбленности. Но не каждый человек умеет эти свои переживания и чувства превращать в некие предметные сущности. Потенциал творить чудеса есть в каждом, а реализовывать это мы очень часто не умеем. Если помочь и взрослым, и детям хоть чуть-чуть освоить это искусство воображения и создания чудес, люди бесконечно оказываются за это благодарны.

– Вы говорили о художниках и литераторах, а как обычному человеку возродить в себе это состояние чудотворца?

– Это состояние чудотворца каждому человеку естественным образом дано, оно в нем есть, когда он маленький, вопрос – почему оно исчезает? Потому что социальные нормы хотят, чтобы мир был более управляемым.

Политикам нужен управляемый мир, а чудотворцы не нужны. Поэтому художники-писатели в любых тоталитарных государствах состоят на службе, делаются управляемыми. Любое тоталитарное государство боится свободы художника, боится вот этой способности создавать чудеса. Потому что чудо – неуправляемо. Любое по-настоящему гениальное произведение – художественное, изобразительное, музыкальное – нельзя заранее спрогнозировать, оно всегда значительно больше заказа, который делается автору. Например, Моцарт получил заказ написать реквием, но, естественно, заказчик представления не имел о том, что этот реквием окажется реквиемом на века, – и это настоящее чудо.

Когда человек просто делает по шаблону заказ, никакого резонанса не возникает, а вот у чуда всегда есть долговременный резонанс. Невероятное чудо в том, что прошло 400 лет со времен Шекспира, а Гамлет до сих пор остается живым, актуальным, существует тысяча постановок этой пьесы и еще тысячи состоятся. Даже сам Шекспир этого не предполагал, но это случилось. И вот таких удивительных чудес невероятно много.

Слово «творчество» у нас, к сожалению, абсолютно разрушено, мы называем так все что угодно, но на самом деле это демиургия – творение каких-то новых миров, которых до сих пор не существовало, и это подлинное чудо, как и божественное творение мира. Это же метафора творчества на самом деле! Бог создал мир, и потом этот мир оказался ему же и неподвластен. Все первые дни, когда Бог творил всяких живых существ, все было нормально, но вот появился человек – и все покатилось по совершенно непонятной траектории, творение рук божиих вышло из-под Его руководства. И все истории Ветхого и Нового Завета, ну и реальная человеческая история – про то, что дело рук божественных оказывается неподвластно Господу. И это метафора того, *что* есть творчество по своей сути.

Слово «творчество» у нас, к сожалению, абсолютно разрушено, мы называем так все что угодно

Любой художник создает продукт, о котором он толком ничего не может сказать, что это такое. Только очень наивный человек спрашивает художника: «А что вы хотели сказать этим?». Какой тут может быть ответ? «Я ничего не хотел сказать, вот сказалось что-то, попробуйте объяснить, что же я сделал, почему у того, что я сделал, такой невероятный эффект, который я вовсе не планировал». Чудо – это в принципе то, что дает эффект, который мы заранее запланировать не можем. Эффекты чудесного существенно превышают все эффекты, про которые мы заранее можем хоть что-то сказать.

Чудо не умещается в план, чудо не умещается в наши намерения, чудо – это то, что все время выходит за границы того, чего мы хотим, чудо – это всегда больше наших рациональных предположений. Повторю, что именно поэтому политические авторитарные режимы так боятся чуда, так боятся искусства, так боятся по-настоящему яркого, событийного творчества. Для государства хорошо такое «подсобное творчество», которое можно сразу под какую-то четко поставленную задачу подложить, но настоящий творец, автор, ученый никогда не удерживается в заданных рамках, он всегда вырывается за их границы. Это абсолютное условие настоящего творчества – я должен иметь право на такой прорыв.

– Практически каждая вещь имеет две стороны. А может ли быть чудо со знаком минус?

– Если брать именно слово «чудо», то его смысловая нагруженность, конечно же, сугубо положительна. Сами словосочетания «негативное чудо», «отрицательное чудо» не воспринимаются, то есть чудо в русском языке однозначно связано с чудесным, чудесностью. Когда мы говорим «чудесный взгляд», то это однозначно положительный взгляд, когда мы говорим

Если чудо превращается в свою противоположность, оно становится чудовищем

«чудесное создание», то совершенно однозначно это что-то глубоко положительное.

Только в том случае, если чудо превращается в свою противоположность, оно становится чудовищем. Но чудовище – это уже что-то другое, это тема Франкенштейна, чей создатель пытался создать чудо, но у него не получилось. Франкенштейн не стал чудом – он стал чудовищем. Я бы сказал так: чудовище – это недореализованное чудо, это некая аномалия, это нарушение генетического кода чуда, то есть когда я пытаюсь создать чудо, а у меня получается монстр. Так бывает. Например, люди, которые делали в России революцию 1917 года, конечно же, вовсе не собирались создавать никакое чудовище – они пытались создать чудо, более того, они верили в него. И в какие-то моменты появлялось ощущение, что чудо на самом деле возникает – чудо какого-то художественного драйва, как было в двадцатые годы. Но затем это чудо оборачивается политическим чудовищем. Оно вроде сделано из того же материала, но оно принципиально другой направленности, и мы говорим, что это уже не чудо, а что-то страшное. Примерно то же самое произошло на нашей памяти. Когда в 1990-е годы наши реформаторы пытались преобразовать страну, они рассчитывали на чудо, а чудо стало еще одним чудовищем. Надежда на чудо не выдержала испытания реальностью. И в этом плане надо понимать, что далеко не всегда наша жажда чуда, наши попытки создать его оказываются обеспеченными нашими ресурсами. Или более простой пример: я беру в руки краски и говорю, что сейчас нарисую что-то потрясающее. Начинаю рисовать и вдруг осознаю, что у меня из-под рук не чудо, а самое настоящее чудовище выпросталось. Так бывает – хочу, чтобы произошло что-то фантастическое, что-то пронзительное, а вместо этого получается совершеннейший кошмар.

Понимание другого человека – это тоже чудо. Когда удается объяснить что-то необъяснимое, найти какие-то слова, которые улавливают эти тончайшие материи, – я бы назвал это чудом философского плана. То есть я ответственно философствую, всматриваюсь в слова качественно – и происходит это чудо понимания. Но если сказать человеку: «Да я все уже про тебя понял, ты – то-то, то и то», он почувствует глубокую униженность, и это та ситуация, когда чуда понимания нет, а есть чудовищность отношений. Психотерапевты, которые работают с семейными конфликтами, постоянно наблюдают этот процесс, когда чудесное превращается в чудовищное. Когда мы не можем удержать градус этой чудесности, возникают чудовищное взаимонепонимание, чудовищная агрессия в отношении друг друга у людей, которые еще совсем недавно смотрели друг на друга восторженно, видели друг в друге чудо и чувствовали, что их союз – чудесный. Они искренне в это верили, и это так и было.

Хочу пожелать всем, чтобы, несмотря на разные жизненные ситуации, нам хватало ресурса понять и услышать друг друга и мы сохранили чудо наших отношений.

Вопросы задавала
Юлия Паламарчук

1. Представьте, будто вы только родились и перед вами нет ничего знакомого. Все, что вы видите, – вы видите в первый раз. Что поменялось в вашем восприятии мира?
2. Из этого состояния посмотрите «чудесным» взглядом на хорошо знакомые вам предметы. Что вы заметили неожиданного и удивительного?
3. Попробуйте прожить в таком состоянии весь день. Вечером подумайте, чем этот день отличался от предыдущих.